УДК:338.43.01:329 DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-6-157-163

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПОЗИЦИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

***Мерзляков С. Л.*[1]**

В статье рассматриваются политические особенности перспектив аграрной реформы в России в начале XX столетия. Анализируются предпосылки возникновения партийных проектов по решению аграрного вопроса. Вопрос о назревшей реорганизации землепользования, ставший одной из главных причин активизации массовых выступлений крестьянства, в начале XX века был предметом обсуждения политической элиты российского общества. От того, как предполагалось его разрешить, зависели успехи экономического развития страны в целом. Делается вывод о том, что политическое противостояние, борьба за власть отодвинули на задний план экономический смысл аграрных проектов.

В годы первой мировой войны крестьянское недовольство стало все чаще использоваться в политических целях. Но ни один из предложенных крупными политическими партиями проектов решения крестьянского вопроса не был не только обоснован экономически и подготовлен политически, но и опирался лишь на их убежденность в правильности понимания структуры социального мышления, верности собственных идеологических конструкций.

Ключевые слова: политические партии, аграрная политика, крестьяне, аграрный вопрос.

AGRARIAN QUESTION IN THE POSITIONS OF THE POLITICAL PARTIES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

MERZLYAKOV S. L. –Candidate of Historical Sciences, Deputy Head of the Department of the History of State, Law and International Relations, Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Saratov), e-mail: merzlyakovsl@yandex.ru

The article examines the political features of the prospects of agrarian reform in Russia at the beginning of the twentieth century. The prerequisites for the emergence of party projects on the solution of the agrarian question are analyzed. The issue of the overdue reorganization of land use, which became one of the main reasons for the activation of mass peasant rallies, was at the beginning of the twentieth century the subject of discussion of the political elite of Russian society. From the way it was supposed to solve it, the success of the country's economic development as a whole depended on. It is concluded that the political confrontation, the struggle for power, pushed the economic significance of agrarian projects to the background.

During the First World War, peasant discontent became increasingly used for political purposes. But none of the projects proposed by major political parties to solve the peasant question was not only economically justified and politically prepared, but also relied only on their conviction that the structure of social thinking and the correctness of their own ideological constructions were correct.

Keywords: political parties, agrarian policy, peasants, agrarian question

Мерзляков Сергей Леонидович – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедры истории государства, права и международных отношений, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25,e-mail: merzlyakovsl@yandex.ru

Одним из условий процветания любого государства, а для России особенно, является разумное решение аграрного вопроса, без которого невозможно сохранить продовольственную безопасность страны. Этот вопрос занимает одно из первых мест в программах практически всех политических партий и движений и во втором десятилетии XXI века. Поэтому, на наш взгляд, важно обернуться назад, извлечь необходимые уроки из нашего не всегда счастливого прошлого.

В истории России эпохи поздней империи выбор оптимальной модели дальнейшего пути развития и справедливое решение аграрного вопроса являлись актуальнейшими и, как показало самое ближайшее время, судьбоносными задачами не только для правящей династии, но и всех политических сил. Не случайно крики петроградских женщин «Хлеба!» стали прологом Февральской революции.

Но даже сто лет спустя ученые все еще ищут ответ на вопрос: почему за время деятельности Временного правительства, когда у власти смогли побывать представители всех политических партий, кроме большевиков, никто из них даже не приблизился к реализации своих идей в решении земельного вопроса? Доказательством тому является целый ряд последних исследований, так или иначе затрагивающих эту проблему[1]. В данной статье мы предприняли попытку разобраться в ней, проанализировав позиции российских политических партий по отношению к крестьянству и аграрной реформе, начатой Петром Аркадьевичем Столыпиным.

Вопрос о назревшей реорганизации землепользования, ставший одной из главных причин активизации массовых выступлений крестьянства, в начале XX века был предметом обсуждения политической элиты российского общества. От того, как предполагалось его разрешить, зависели успехи экономического развития страны в целом. Но отношение к аграрному вопросу менялось в зависимости от расстановки политических сил. Так, ориентация в начале XX века на частнособственнические программы, в том числе и сельского хозяйства, сменилась под давлением растущего крестьянского недовольства уравнительно-социалистическими настроениями, поддерживаемыми агитацией социалистических партий. Причем последние переносили акценты в дискуссиях с чисто экономических способов его разрешения на политические. Уравнительная психология крестьян, взращенная общиной, была наиболее восприимчива к политическим программам, предполагавшим национализацию и передел земли. Стремление отнять землю у собственников, в данном случае помещиков, и поровну разделить определялось как справедливость.

Политические партии включали в свои документы требование национализации земли, хотя экономисты тогда убеждали, что крестьяне в данном случае получат столько же земли, сколько имели на момент реформы 1861 года, и эффект от подобной меры практически будет равен нулю.

Все это делало требование национализации популистским, превращало его в средство борьбы за массы и власть. А столыпинская реформа подвергалась критике со всех сторон, ибо она предполагала частнособственнические механизмы хозяйствования, перевод аграрной экономики в рыночное пространство. Это не увязывалось ни с позицией социалистических, ни промонархических организаций. Поэтому не случайно страсти вокруг реформы Петра Аркадьевича Столыпина выплеснулись далеко за рамки Государственной думы. На страницах газет, а также различных изданий они не утихали вплоть до Октябрьского переворота 1917 года.

[1] См.: Якимов Д.В. Аграрный вопрос в политике большевиков и левых социалистов-революционеров в феврале 1917 г.- – июле 1918 г.: на материалах Саратовской губернии: дисс.... канд. истор. наук: 07.00.02. Саратов, 2008; Кочешков Геннадий Николаевич. Февральская революция и аграрный вопрос в России: неудавшийся либеральный проект // Вестник КГУ. – 2015. – №2. – С.30–36.

Вот показательный факт: указ от 9 ноября 1906 года о начале реформы был одобрен Думой лишь 14 июня 1910 года. Но это теперь ясно, что ведение аграрного производства капиталистическими методами давало огромные возможности для аграрной страны за счет улучшения агротехнологий. А применение сельскохозяйственных машин многократно повысило бы производительность труда, интенсифицировало отрасль в целом. По сути, когда отрицался капиталистический путь в сельском хозяйстве, то отрицались личная инициативность, конкуренция, создание широкого слоя крестьянских собственников и, напротив, утверждалась уравнительно-распределительная система землепользования. За противостоянием этих двух путей развития аграрного сектора усматривалось и иное, а именно: выбор между революционной реформой с последующей ломкой политической системы и лакирование самодержавно-крепостнического способа хозяйствования.

П.А. Столыпин цель реформы видел в том, чтобы сформировать в деревне слой зажиточных крестьян как социальной опоры власти, а за счет внедрения конкуренции подтолкнуть процесс дифференциации крестьянских хозяйств. Отсюда и такая задача, как вливание в промышленность дешевой рабочей силы из числа разорившихся крестьян. Пётр Аркадьевич в речи 10 мая 1907 года на заседании II Государственной думы «Об устройстве быта крестьян и о праве собственности» так изложил суть реформы: «Правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянство богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода… Но для этого необходимо дать возможность способному трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность»[1].

По мнению Петра Аркадьевича Столыпина, наличие земельной собственности должно было подтолкнуть крестьянскую инициативу, разбудить предпринимательскую жилку. По сути в этом и заключался главный смысл его реформы. Он полагал, что российское законодательство обязано ориентироваться на «разумных и сильных, а не слабых и пьяных. Нельзя ставить преграды обогащению сильного – для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету»[2]. Только личная собственность раскрепостит крестьянский труд и может стать стимулом его эффективности: «Пока к земле не будет приложен труд высокого качества, то есть труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет выдерживать сравнения с землей соседей. А земля - это Россия»[3], – доказывал премьер-министр.

Даже первые итоги столыпинской реформы говорят сами за себя. К середине 1911 года более полутора миллионов человек реализовали свое право собственности. Из 40 губерний 17% крестьян стали собственниками земли[4]. Проведение реформы помогло улучшить культуру земледелия, поднять технологию труда.

Но некоторый удар реформа нанесла общине. Вокруг неё разгорелись наиболее страстные споры. Сторонники считали, что лишь общим миром можно было успешно строить землепользование, указывали на вековой опыт общинного труда. Отметим, что такая позиция во многом была созвучна реальности: большая часть крестьян отнеслась к реформе с недоверием, увидела в ней посягательство на их жизненные интересы.

[1] Столыпин: жизнь и смерть. Сборник / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. – Саратов, 1991. – С. 242 – 243.
[2] Председатель Совета Министров П.А. Столыпин. – СПб., 1909. – С. 77, 81.
[3] Государственная деятельность председателя Совета Министров, статс- секретаря П.А. Столыпина. – СПб., 1911. – С. 2–3.
[4] Крестьянское движение в России в 1907–1914 годах. М. –Л., 1966. С. 151.

Сказывалиськонсерватизм, боязнь всяких переделов, не суливших ничего хорошего. Только треть вновь испеченных собственников земли предпочла из всех форм хозяйствования избрать отрубную[1]. Отсюда вполне закономерно то, что разрушение общины пробуксовывало. К тому же сам Пётр Аркадьевич Столыпин не считал нужным подталкивать эти процессы, всё должно было идти естественным ходом. Тем более под воздействием реформы сама община стала трансформироваться, в частности, из её недр вырастала потребительская кооперация (с 1906 по 1913 г. возникло 8 тыс. крестьянских потребительских обществ и около 5 тыс. сельскохозяйственных обществ[2]).

По ходу столыпинской реформы увеличивались крестьянские денежные вклады (с 1055 млн. рублей в 1906 году до 1518 млн. рублей в 1912 году), появились кредитные товарищества, крестьяне начали вкладывать деньги в хозяйство, в итоге значительно выросла производительность труда на хуторах, урожайность хлебов поднялась с 39 пудов с десятины в 1900 году до 43 пудов в 1910 году. В России к 1916 году хранилось почти 800 млн. пудов хлеба. Только в 1913 году урожай составил 81,6 млн. пудов[3].

Но аграрная реформа столкнулась и с трудностями. Так, промышленность ориентировалась на государственные и военные заказы, она была не готова к рыночным условиям, а потому обозначались сбои в производстве для сельского хозяйства железа, стройматериалов, цемента и др. Изменилась социальная структура общества. Процесс дифференциации в деревне привел к притоку в город чернорабочих, людей иных профессий. В результате упали заработки у рабочих, а значит, выросло их недовольство. Назревал своего рода обратный эффект: не ожидаемая стабильность, а социальная напряженность.

Реформа пыталась соединить несоединимое – сформировать фермерские хозяйства, но одновременно за счет казны обеспечить устройство малоземельных крестьян путем переселения. То и другое требовало времени, консолидации политических сил. Но в обществе всего этого как раз не было. П.А. Столыпин считал, что нельзя ожидать немедленных результатов, они появятся после «кропотливой черной работы», причём только сообща. Однако в реальности получилось иначе – консолидировались противники реформы из-за политических интересов. Общество отказывалось оказать поддержку своей власти даже в самых благих ее начинаниях. Например, эсеры на своём съезде в Лондоне (сентябрь 1908 года) заявили: «Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции»[4].

В 1911 году западная пресса писала о деятельности Петра Аркадьевича Столыпина: «Его политика – согласное с обстоятельствами движение вперёд в направлении реформы, компромисс между теоретически желательным и наличным положением вещей»[5]. Слова, высказанные реформатором в беседе с редактором саратовской газеты «Волга»: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России»[6], облетели тогда весь мир. Но быстрая политизация общества, пропаганда уравнительно-социалистического направления, усилившаяся конфронтация партий, террор и насилие – всё это мешало осуществлению столыпинских идей.

Итак, по духу реформа для России была объективно прогрессивной, однако по причине далеко неоднозначной политической ситуации в стране она обрекалась на неудачу. Пётр Аркадьевич Столыпин категорически выступал против национализации земли. Он указывал, что

[1] Огановский Н. Первые шаги «Великой реформы». – Б.м., 1911. – С. 143.
[2] Бородина О.И. Россия на рубеже двух эпох. – М., 1992. С. 43.
[3] Дьяков И. Забытый исполин // Наш современник. – 1989. – № 3.
[4] Председатель Совета Министров П.А. Столыпин. – С. 205.
[5] Государственная деятельность председателя Совета Министров, статс-секретаря П.А. Столыпина. – С. 146.
[6] Там же. С. 8.

«признание национализации земли при условии вознаграждения за отчужденную землю или без него поведет к такому социальному перевороту, изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого не видала ещё история»[1]. Очень скоро его слова станут пророческими.

Что же предлагали противники столыпинской реформы в области аграрных отношений? Было несколько вариантов, объединённых идеей раздела помещичьей земли. Социал-демократы (большевики) предлагали программу национализации земли, но при условии полного изменения политического строя. Вся помещичья земля должна была быть конфискована крестьянскими комитетами, последние обязаны распоряжаться ею до созыва Учредительного собрания. Большевики являлись сторонниками радикальной ломки аграрных отношений, считая, что лишь таким образом можно придать экономике страны развитие. В программе, предложенной П.А. Столыпиным, они усматривали помещичью попытку разрешения аграрных противоречий без революционного подхода, тогда как, полагали большевики, революционный аграрный переворот дополнит революционный политический – свержение самодержавия.

Трудовики (проект 104 в Первой Государственной думе) предлагали свое решение: разделить помещичьи, монастырские, удельные, казённые и иные превышающие трудовую норму земли с передачей в общенародный земельный фонд. Землю нужно перераспределить между крестьянами по уравнительной трудовой стоимости. Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает, но она должна затем постепенно переходить в общенародную собственность. Государство же вознаграждает владельцев отчуждаемой земли. Трудовики выступали против сохранения общины, но ратовали за вольные крестьянские товарищества. Они выражали интересы партии энесов и беспартийных крестьян[2].

Социалисты-революционеры (эсеры) выступали с проектом социализации земли. Его сущность: земля является всенародным достоянием, а трудовое крестьянство – главный пользователь. Земля передается высшим органам государственной власти в собственность, а на местах - органам местного самоуправления, низшим звеном которых является община. В ней, организованной на демократических принципах, эсеры усматривали основы будущего социалистического мироустройства. Коллективное уравнительное землепользование должно осуществляться на трудовых началах с регулирующей ролью общины. Земля не имеет ценности, поскольку принадлежит государству, а значит, не может быть и частной собственности на землю. Пользователи платят налог государству не за землю, а за хозяйство на ней[3].

Социал-демократы (меньшевики) отстаивали программу муниципализации земли. Она предполагала уничтожение помещичьего класса и помещичьего землевладения, причём только крупного. Вся земля передается органам местного управления, которые сдают ее в аренду сначала отдельным крестьянам, затем сельским общинам. Такая постановка дела могла бы подтолкнуть процесс кооперативного строительства. Свое видение у меньшевиков было и по вопросу дохода. Он должен поступать в распоряжение местных органов власти с последующим направлением на нужды местности и государства. Они выступали против создания революционных комитетов для захвата земли, а в национализации земли усматривали средство укрепления центральной власти как базы для реакции[4].

Конституционные демократы (кадеты) выдвигали несколько проектов решения аграрного

[1] Председатель Совета Министров П.А. Столыпин. – С. 73–74.
[2] Пешехонов А.В. Старый и новый порядок владения надельной земли. – СПб., 1909.
[3] Очерки истории политических партий и движений России. Р.-на-Д.; – М., 1992. Кн. 1. Вып. 2. – С. 19–20.
[4] Протоколы IV (объединительного) съезда РСДРП. – М., 1934. – С. 578.

вопроса. На первых порах они также требовали проведения частичной национализации, выступали как против правительственной программы, так и против революционной ломки аграрного строя. По кадетской программе помещичья земля отдается в аренду, а вот крупные хозяйства целесообразно сохранить. Помещики должны вознаграждаться за землю справедливо, ибо их земля отходит в госфонд с передачей крестьянам в долгосрочную аренду. Хотя крестьянин и мог выкупить участок, но окончательное решение зависело от общины. Имелись у кадет и опасения насчет того, что аграрная переделка породит спекуляцию землей. Поэтому они предлагали определить предельную норму земельного участка, полагавшегося одному земледельцу. Но когда их программа была отвергнута I-й Государственной думой, кадеты сняли требование национализации[1].

Все выше проанализированные программы предполагали, что с разделом помещичьей земли можно будет улучшить положение крестьян. Но в них имелись серьезные просчеты экономического и политического плана. Во-первых, дробление крупных частновладельческих хозяйств, выступавших носителями агрокультуры, привело бы к упадку сельского хозяйства вообще. Во-вторых, сам по себе раздел не ликвидировал бы крестьянских бед, так как нужны были еще финансовые и технические средства, которых у крестьян не было. В-третьих, уравнительный раздел не только бы отбросил деревню от капиталистического пути развития, но и сдерживал бы приток в город дешевых рабочих рук. В-четвертых, решение аграрного вопроса по принципу «отнять и передать другому» неизбежно порождает гражданскую войну.

Аграрный вопрос интересовал не только политические партии России, но и Запад. Оценивая ход спора между российскими политическими силами, европейские социал-демократы прогнозировали, что крестьяне поддержат программу социалистов, но, по их мнению, сама по себе национализация не будет означать ещё перехода к социализму. В частности, австрийский социалист Карл Каутский писал в 1905 году о том, что после уравнительного раздела земли сельское хозяйство в России придет в упадок, ибо национализация поглотит огромные средства. К. Каутский предлагал собственную программу реализации плана национализации земли: … вслед за конфискацией у монастырей и церкви земель приступить к конфискации у последних золота и серебра, всё перечеканить и продать для получения средств; у царской фамилии отнять в пользу государства буквально все; монополизировав железные дороги, предприятия, ресурсные добычи, тем самым перераспределить средства, в том числе на нужды сельского хозяйства[2].

Политическое противостояние, борьба за власть отодвинули на задний план экономический смысл аграрных проектов. В годы первой мировой войны крестьянское недовольство стало все чаще использоваться в политических целях[3]. Но ни один из предложенных крупными политическими партиями проектов решения крестьянского вопроса не был не только обоснован экономически и подготовлен политически, но и опирался лишь на их убежденность в правильности понимания структуры социального мышления, верности собственных идеологических конструкций. Приходится констатировать, что идеологическая составляющая аграрных программ была прописана лучше, чем продуманы возможности их практической реализации. В итоге, даже побывав в 1917 году у власти, ни одна из политических сил не смогла решить самый актуальный для крестьянской России вопрос, реализовать свою аграрную программу, использовав предоставленный историей шанс.

[1] Очерки истории политических партий России. – С. 44.
[2] Каутский К. Земельный вопрос в России. – Б.м., 1905. –С. 13–15.
[3] Власов Александр Александрович, Власова Татьяна Александровна Попытка решения аграрного вопроса в годы революций и Гражданской войны в России в начале XX века // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2014. – №7. – С.78–80.

Библиография/References:

1. Бородина О.И. Россия на рубеже двух эпох. – М., 1992.
2. Власов А. А., Власова Т. А. Попытка решения аграрного вопроса в годы революций и Гражданской войны в России в начале XX века // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2014. – № 7. – С. 78–80.
3. Государственная деятельность председателя Совета Министров, статс-секретаря П.А. Столыпина. – СПб., 1911.
4. Дьяков И. Забытый исполин // Наш современник. – 1989. – № 3.
5. Каутский К. Земельный вопрос в России. – Б.м., 1905.
6. Кочешков Г.Н. Февральская революция и аграрный вопрос в России: неудавшийся либеральный проект // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 30–36.
7. Огановский Н. Первые шаги «Великой реформы». – Б.м., 1911.
8. Очерки истории политических партий и движений России. Кн. 1. Вып. 2. – М., 1992.
9. Пешехонов А.В. Старый и новый порядок владения надельной землей. – СПб., 1909.
11. Столыпин: жизнь и смерть. Сборник / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. – Саратов, 1991.

1. Borodina, O.I. (1992) Rossiia na rubezhe dvukh epoch [Russia at the turn of two epochs]. – M. (In Russ.)
2. Vlasov, A. A., Vlasova, T. A. (2014) Popytka resheniia agrarnogo voprosa v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii v nachale XX veka [An attempt to solve the agrarian question in the years of revolutions and civil war in Russia at the beginning of the twentieth century] // Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhoziaistvennoi akademii [Vestnik of Kursk State Agricultural Academy]. – № 7. – P. 78–80. (In Russ.)
3. Gosudarstvennaia deiatel'nost' predsedatelia Soveta Ministrov, stats-sekretaria P.A. Stolypina [State activity of the Chairman of the Council of Ministers, State Secretary P.A. Stolypin]. – SPb., 1911. (In Russ.)
4. D'iakov, I. (1989) Zabytyi ispolin [Forgotten giant] // Nash sovremennik. – № 3. (In Russ.)
5. Kautskii, K. (1905) Zemel'nyi vopros v Rossii [Land issue in Russia]. – B.m. (In Russ.)
6. Kocheshkov, G.N. (2015) Fevral'skaia revoliutsiia i agrarnyi vopros v Rossii: neudavshiisia liberal'nyi proekt [The February Revolution and agricultural legislation in Russia: failed liberal project] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Kostroma state university]. – № 2. – P. 30–36. (In Russ.)
7. Oganovskii, N. (1911) Pervye shagi «Velikoi reformy» [The first steps of the "Great Reform"]. – B.m. (In Russ.)
8. Ocherki istorii politicheskikh partii i dvizhenii Rossii [Essays on the History of Political Parties and Movements in Russia]. Kn. 1. Vyp. 2. – M., 1992. (In Russ.)
9. Peshekhonov, A.V. (1909) Staryi i novyi poriadok vladeniia nadel'noi zemlei [The old and new order of ownership of allotment land]. – SPb. (In Russ.)
11. Stolypin: zhizn' i smert' [Stolypin: life and death]. Sbornik / Sost. A. Serebrennikov, G. Sidorovnin. – Saratov, 1991. (InRuss.)